

Р.В. ДОЛГИЛЕВИЧ

“ТРЕТИЙ БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС”. 1969 год

После кризисов 1948–1949 и 1958–1962 гг. Западный Берлин продолжал оставаться одним из главных очагов “холодной войны”. Международная ситуация вокруг Западного Берлина периодически обострялась. Это было в начале 1965 г., в конце 1968 – начале 1969 гг. В средствах массовой информации западных стран события 1965 г. получили название “малого берлинского кризиса”, а политический конфликт 1969 г. – “третьего берлинского кризиса”.

В статье предпринимается попытка осветить позиции сторон в “третьем берлинском кризисе”, проанализировать его ход и последствия. Хронологические рамки статьи ограничены декабрем 1968 – мартом 1969 гг. – от первых заявлений о намерении провести сессию Федерального собрания и выборы президента ФРГ в Западном Берлине до реализации этих намерений и прекращения обмена мнениями по данному вопросу между СССР и западными державами.

Поскольку вопросы о “малом” и “третьем берлинском кризисе” рассматриваются в одних и тех же работах как отечественных, так и зарубежных авторов, ограничимся ссылкой на историографический обзор в статье о “малом берлинском кризисе”¹. Добавим лишь новую монографию В.А. Беспалова, опубликованную Российским институтом стратегических исследований².

Статья написана на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), которые впервые вводятся автором в научный оборот. В фонде 742 этого архива собраны донесения референтуры по ГДР в Министерство иностранных дел (МИД) СССР, а в фонде 56-б хранятся донесения ТАСС по Западному Берлину. Эти материалы не только позволяют выяснить ход событий, но и определить, как эти события оценивались советскими дипломатами, на основании какой информации формировалась позиция МИД СССР в берлинских делах. В работе также использованы: сборник документов по германской проблематике за 1967–1971 гг., подготовленный Третьим европейским отделом МИД СССР³; изданный в ГДР Институтом международных отношений Академии им. В. Ульбрихта сборник документов “Западноберлинский вопрос”⁴, периодическая печать СССР, ГДР, ФРГ и Западного Берлина.

Долгиевич Ростислав Владимирович – кандидат исторических наук, профессор Московского института государственного и корпоративного управления.

¹ Долгиевич Р.В. “Малый берлинский кризис” 1965 года. – Новая и новейшая история, 2015, № 3.

² Беспалов В.А. Западноберлинский транзит (1945–1971). Дипломатия холодной войны. М., 2015.

³ Министерство иностранных дел СССР. Третий европейский отдел. Историко-дипломатическое управление. Для служебного пользования. Сборник основных документов по вопросам отношений СССР с ГДР и ФРГ и германской проблематике (1967–1971 гг.). 1972 (далее – Сборник основных документов).

⁴ Die Westberlinfrage. Dokumentation. Potsdam – Babelsberg, 1971.

НАЧАЛО “ТРЕТЬЕГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА”

В конце 1968 г. в политических кругах западных стран усилилось впечатление, что ситуация вокруг Западного Берлина вступила в стадию “перманентного кризиса”. Вину за это противоборствовавшие стороны возлагали друг на друга. С точки зрения СССР и ГДР, причина роста напряженности заключалась в расширении присутствия ФРГ в Западном Берлине, что противоречило межсоюзническим соглашениям 1944–1945 гг. и первых послевоенных лет.

Западная сторона, наоборот, считала действия ФРГ в Западном Берлине соответствующими межсоюзническим соглашениям и принципам международного права. Правительства трех западных держав и ФРГ, а также западноберлинский Сенат обвиняли СССР в том, что именно он обострял обстановку вокруг Западного Берлина, выдвинув на авансцену ГДР.

Советское посольство в ГДР отмечало, что в течение всего 1968 г. ФРГ продолжала свою политику, направленную на более тесное включение Западного Берлина в политическую, правовую и финансово-экономическую систему ФРГ. По прогнозу советских дипломатов в Восточном Берлине, этот курс ФРГ намеревалась продолжать и в 1969 г.⁵

Тем не менее обстановка вокруг Западного Берлина не вызывала особой тревоги международного общественного мнения. Но в середине декабря 1968 г. произошли события, резко изменившие ситуацию. Президент ФРГ Г. Любке, срок полномочий которого истекал в сентябре 1969 г., выразил желание уйти в отставку досрочно. Возник вопрос о месте и времени выбора нового президента. По мнению аналитиков, руководство ФРГ уже в это время решило провести выборы главы западногерманского государства в Западном Берлине, но для этого требовалось согласие трех западных держав: Великобритании, США и Франции.

Согласно версии, широко распространенной в средствах массовой информации СССР и союзных с ним стран, президент бундестага О. Герстенмайер совершил удачный маневр. 12 декабря 1968 г. он неожиданно заявил, что “одна союзная держава” (не уточняя, какая именно) возражает против проведения президентских выборов в Западном Берлине. В печати сразу же появились разноречивые суждения: сначала “авторитетные лица” заявляли, что речь идет о США, затем стали намекать на Англию или Францию. В итоге все три державы выступили с опровержением⁶.

Именно такая серьезная поддержка и нужна была Герстенмайеру. 18 декабря 1968 г. он объявил, что Федеральное собрание для избрания нового президента ФРГ должно быть созвано 5 марта 1969 г. в Западном Берлине. С этого и начался “третий берлинский кризис”.

Печать СССР незамедлительно отреагировала на заявление Герстенмайера. В “Правде” была опубликована статья, в которой говорилось, что у СССР и его союзников “достаточно решимости и возможностей, чтобы защитить коренные интересы социалистических стран”⁷.

Через несколько дней последовала официальная реакция Советского правительства. 23 декабря 1968 г. оно направило правительствам трех западных держав заявления, в которых ФРГ обвинялась в том, что, объявив о намерении провести выборы федерального президента в Западном Берлине, встает на путь преднамеренного обострения обстановки вокруг этого города. “Новая провокация, подготавливаемая правительством ФРГ, – говорилось в заявлении правительства СССР, – может лишь серьезно обременить международные отношения”. Если события потребуют, чтобы СССР “предпринял определенные шаги в связи с происками реваншистских

⁵ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 18.

⁶ Правда, 20.XII.1968.

⁷ Там же.

и неонацистских кругов ФРГ в Западном Берлине, то он, разумеется, не уклонится от этого”⁸.

Выявлению возможностей достижения компромисса могла способствовать встреча посла СССР в ГДР П.А. Абрасимова с правящим бургомистром Западного Берлина К. Шютцем, назначенная на 31 января 1969 г. Советское посольство тщательно готовилось к этой встрече. Оно заранее подготовило два варианта сообщения для печати о беседе посла с правящим бургомистром. Первый вариант предусматривал, что 1 февраля 1969 г. в печати СССР и ГДР будет опубликовано сообщение, что «31 января 1969 г. посол СССР в ГДР П.А. Абрасимов “посетил правящего бургомистра Западного Берлина К. Шютца. В состоявшейся беседе были обсуждены вопросы актуального значения”⁹. Этот текст посольство намеревалось предложить Шютцу для опубликования также и в западноберлинской печати. Одновременно планировалось заявить правящему бургомистру, что “если со стороны Сената будет иметь место сообщение, раскрывающее и искажающее содержание встречи, советская сторона выступит с дополнительной информацией общественности”¹⁰.

Согласно второму варианту, если Сенатом или правительством ФРГ будут приняты попытки использовать факт встречи в “спекулятивных” целях, следовало бы, по мнению посольства, опубликовать с советской стороны такое сообщение: “Посол СССР изложил правящему бургомистру Западного Берлина позицию Советского правительства в отношении незаконных посягательств ФРГ на Западный Берлин, являющийся особой самостоятельной политической единицей. П.А. Абрасимов предупредил правящего бургомистра, что намечаемая на 5 марта с.г. провокация в Западном Берлине – созыв федерального собрания для выборов нового президента ФРГ – не останется без последствий, ответственность за которые будет нести также и западноберлинский Сенат. Посол СССР подчеркнул, что проведение боннскими властями этой провокации может лишь обострить обстановку и принести для Западного Берлина дополнительные трудности”¹¹. Второй вариант сообщения для печати включал в себя основные положения, которые советский посол должен был изложить правящему бургомистру. Встреча между ними способствовала более четкому пониманию сторонами позиций друг друга, но к сближению точек зрения не привела.

Руководство ГДР, используя имеющиеся в его распоряжении политические средства, активно противодействовало проведению в Западном Берлине выборов президента ФРГ. 30 декабря 1968 г. представитель министерства иностранных дел ГДР прокомментировал высказывания некоторых политических деятелей ФРГ о желательности заключения к Новому году очередного соглашения о посещениях западноберлинцами столицы ГДР. Восточногерманский дипломат подчеркнул, что ФРГ своими действиями “блокировала нормализацию отношений между ГДР и Западным Берлином” и дал понять, что в сложившихся условиях рассчитывать на новое соглашение о пропусках не приходится¹².

6 февраля 1969 г. правительство ГДР направило ноты правительствам США, Англии и Франции, в которых подчеркивался “незаконный характер” проведения выборов президента ФРГ в Западном Берлине и отмечалось, что эти действия лишь осложняют положение в центре Европы¹³. В нотах правительства ГДР подчеркивалось, что Западный Берлин находится на территории Германской Демократической Республики¹⁴. Советская дипломатия избегала таких формулировок, говоря лишь о том, что Запад-

⁸ Сборник основных документов, с. 308.

⁹ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 19.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 19–20.

¹² Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 460–461.

¹³ Ibid., S. 461–464.

¹⁴ Ibid., S. 462.

ный Берлин находится внутри ГДР. В этом проявлялось одно из различий в подходе Москвы и Восточного Берлина к западноберлинскому вопросу.

Одновременно с нотами трем западным державам, правительство ГДР направило ноту правительству ФРГ, в которой выражался “самый решительный протест” против намерения боннского правительства провести 5 марта 1969 г. заседание Федерального собрания и выборы президента ФРГ в Западном Берлине. “Особенно возмутительным” было названо обстоятельство, что в заседании Федерального собрания в Западном Берлине будут участвовать неонацисты из Национал-демократической партии¹⁵. Правительство ГДР дало понять, что оно предпримет соответствующие меры на проходящих через ее территорию путях доступа в Западный Берлин, чтобы помешать приезду в Западный Берлин членов Федерального собрания ФРГ.

7 февраля 1969 г. министр внутренних дел ГДР Ф. Диккель обратился с письмом к правящему бургомистру К. Шютцу, в котором тоже говорилось, что Западный Берлин находится на территории ГДР¹⁶. Диккель потребовал, чтобы Сенат воспрепятствовал проведению выборов президента ФРГ в Западном Берлине. В противном случае ответственность за последствия мер, которые вынуждена будет принять ГДР, ляжет не только на боннское правительство, но и на западноберлинский Сенат¹⁷.

Так как все эти шаги не приносили желаемых результатов, власти ГДР, согласовав свои планы с руководством СССР, перешли к практическим действиям.

Согласно официальному сообщению, правительство ГДР “уполномочило министра внутренних дел последовательно проводить в жизнь распоряжение от 10 марта 1968 г. о защите ГДР и ее граждан от происков неонацистских сил в западногерманской Федеративной Республике и самостоятельной политической единице Западный Берлин, а также от 13 апреля 1968 г. о запрещении поездок западногерманских министров и руководящих чиновников западногерманского федерального правительства через территорию ГДР, и предлагает министру принять дополнительные меры”¹⁸. 8 февраля 1969 г. министр внутренних дел ГДР Диккель издал распоряжение о дополнительных мерах по защите территории ГДР. Содержание распоряжения сводилось к тому, что членам Федерального собрания ФРГ, его сотрудникам, генералам и офицерам бундесвера, служащим штабов, членам военной комиссии и всем другим служащим вооруженных сил ФРГ проезд через территорию ГДР в Западный Берлин запрещался. Пресекался также провоз в Западный Берлин через территорию ГДР рабочих материалов Федерального собрания ФРГ¹⁹.

13 февраля 1969 г. правительство ГДР обратилось непосредственно к гражданам Западного Берлина, заявив, что намеченные на 5 марта 1969 г. в их городе выборы президента ФРГ представляют собой преднамеренную провокацию, направленную также и против интересов западноберлинцев. Правительство ГДР призвало их “освободиться от влияния боннской реваншистской политики”²⁰.

Одновременно важный шаг был предпринят и правительством СССР. 13 февраля 1969 г. советский посол в Бонне С.К. Царапкин вручил канцлеру ФРГ К.Г. Кизингеру заявление правительства СССР в связи с намерением правительства ФРГ провести в Западном Берлине выборы федерального президента. Такой шаг, подчеркнуло Советское правительство, может иметь самые нежелательные последствия для обстановки в этом районе и соответственно для интересов западноберлинского населения. Правительство СССР предупредило, что в случае продолжения попыток ФРГ явочным порядком распространить свою власть на Западный Берлин или использовать территорию этого города для разжигания напряженности в центре Европы, оно “будет

¹⁵ Ibid., S. 466.

¹⁶ Ibid., S. 467.

¹⁷ Ibid., S. 468–469.

¹⁸ Neues Deutschland, 9.II.1969; Правда, 10.II.1969.

¹⁹ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 469–470.

²⁰ Ibid., S. 474.

поставлено перед необходимостью рассмотреть вопрос о строгом и неукоснительном исполнении положений союзнических решений, относящихся к Западному Берлину. Правительству ФРГ должно быть совершенно ясно, что Советский Союз не брал на себя в отношении Западного Берлина никаких иных обязательств, кроме зафиксированных в соответствующих четырехсторонних соглашениях”²¹.

14 февраля 1969 г. текст этого заявления был передан также правительствам Великобритании, США и Франции. МИД СССР выразил надежду, что три западные державы со всей серьезностью отнесутся к “непрекращающемуся недопустимому вмешательству реваншистских, милитаристских и неонацистских сил ФРГ в дела Западного Берлина, являющемуся источником осложнений, опасность и ненужность которых очевидна для всех”²².

В тот же день, 14 февраля, западные державы ответили, наконец, на заявление Советского правительства от 23 декабря 1968 г. Они подчеркнули, что в течение последних 15 лет выборы президента ФРГ “трижды проводились в Берлине, не вызывая каких-либо инцидентов”. Учитывая эти прецеденты, правительства западных держав не видят “причин для того, чтобы проведение еще одного заседания федерального собрания в Берлине вызвало какие-либо трудности”²³. Великобритания, США и Франция выразили надежду, что “Советское правительство в соответствии с обязательствами, которые связывают его с другими тремя державами, позаботится о том, чтобы в будущем избегать новой напряженности в Берлине – в городе, который весь остается объектом четырехстороннего статуса”²⁴. В заявлениях трех западных держав отклонялись основные положения, выдвигавшиеся в советском заявлении от 23 декабря 1968 г.

Обстановка, складывавшаяся вокруг Западного Берлина, не могла не обсуждаться в ходе встречи Л.И. Брежнева с В. Ульбрихтом, состоявшейся в Москве 17 февраля 1969 г., хотя в официальном сообщении об этой встрече Западный Берлин даже не упоминался. В него была включена лишь фраза о том, что руководители КПСС и СЕПГ “отметили повышение активности милитаристских кругов Западной Германии, стремящихся вопреки интересам народов создать очаг опасной напряженности в Европе”²⁵.

18 февраля 1969 г. ГДР предприняла еще одну попытку воздействовать на настроения общественности ФРГ и Западного Берлина, опубликовав заявление комиссии по иностранным делам Народной палаты – парламента Восточной Германии. В заявлении отмечалось, что созыв федерального собрания ФРГ в Западном Берлине – это вопиющее нарушение международного права. Подчеркивалось, что этот шаг Бонна усиливает напряженность в Европе, осложняет отношения между ГДР и ФРГ и противоречит интересам жителей Западного Берлина²⁶.

РОСТ НАПРЯЖЕННОСТИ И МАНЕВРЫ СТОРОН

Все эти шаги Москвы и Восточного Берлина оказались недостаточно эффективными и желаемых результатов не принесли. Поэтому СССР и ГДР, как и во время “малого берлинского кризиса” 1965 г., пустили в ход “тяжелую артиллерию”. 21 февраля 1969 г. в советской и восточногерманской печати было опубликовано сообщение о том, что в соответствии с планом мероприятий по боевой подготовке штаба Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора в начале марта в центральных и западных регионах ГДР будет проведено учение Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и Национальной Народной армии (ННА) ГДР под руководством Главнокомандующего

²¹ Сборник основных документов, с. 321.

²² Там же, с. 325.

²³ Там же, с. 308.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 326–327.

²⁶ Neues Deutschland, 18.II.1969.

Объединенными Вооруженными Силами государств-участников Варшавского Договора Маршала Светского Союза И.И. Якубовского. В ходе учения предусматривалась отработка вопросов взаимодействия войск в различных видах боевых действий²⁷.

Сообщение об учениях ГСВГ и ННА произвело сильное впечатление в ФРГ и Западном Берлине. Согласно информации, переданной в советское посольство министерством иностранных дел ГДР О. Винцером, многие члены федерального собрания ФРГ после публикации этого сообщения начали говорить, что они по состоянию здоровья не могут прибыть в Западный Берлин: у одних неожиданно оказалось “больное сердце”, другим вдруг врачи “запретили летать”²⁸. Неуверенность в прилете выборщиков из ФРГ в Западный Берлин была столь велика, что президиум Социал-демократической партии Германии (СДПГ) вынужден был вечером 3 марта 1969 г. собрать в Западном Берлине своих “выборщиков”, чтобы выяснить, каким числом голосов реально располагает партия на выборах президента ФРГ²⁹.

21 февраля 1969 г., в день публикации сообщения об учениях ГСВГ и ННА, В. Ульбрихт направил В. Брандту (как председателю СДПГ. – *Р.Д.*) письмо, смысл которого сводился к следующему: в случае отказа от созыва федерального собрания в Западном Берлине, Сенат мог бы обратиться к правительству ГДР с ходатайством о предоставлении западноберлинским гражданам возможности посещения Восточного Берлина на Пасху 1969 г. Правительство ГДР отнеслось бы к такой просьбе благосклонно³⁰. 26 февраля 1969 г. Брандт сообщил, что президиум СДПГ принял к сведению письмо Ульбрихта, но вопрос о месте проведения федерального собрания ФРГ не может быть предметом обсуждения между СДПГ и руководством СЕПГ³¹.

22 февраля 1969 г. К.Г. Кизингер вручил С.К. Царапкину памятную записку, являвшуюся ответом правительства ФРГ на заявление правительства СССР от 13 февраля 1969 г. В памятной записке говорилось, что правительство ФРГ стремится к тому, чтобы ни в коем случае не обострять положение в Европе. “В отношении Берлина его действия также определяются этими принципами”³². Как и правительства западных держав, правительство ФРГ ссылалось на то, что уже три раза подряд – в 1954, 1959 и 1964 гг. – федеральное собрание ФРГ проводилось в Западном Берлине, не вызывая каких-либо осложнений. В памятной записке отвергались все упреки в адрес ФРГ и подчеркивалось, что боннское правительство “уважает права и ответственность четырех держав, а также четырехсторонние соглашения относительно Берлина; оно и не думает ставить под вопрос четырехсторонний статус города, равно как оно не ставило его под вопрос и в прошлом”³³.

После встречи канцлера ФРГ с послом СССР в Бонне Шютц сообщил, что Кизингер проинформировал его о готовности восточногерманских властей достигнуть соглашения с Сенатом о посещениях западноберлинцами Восточного Берлина. Кизингер, сказал Шютц, “узнал об этом на встрече с советским послом Семёном Царапкиным”³⁴. Агентство “Рейтер” считало, что это была инициатива не ГДР, а СССР³⁵.

24 февраля 1969 г. Шютц созвал заседание Сената, чтобы “обсудить предложение коммунистов разрешить западноберлинцам посетить на Пасху Восточный Берлин”. Это предложение он назвал недостаточным и сказал, что “любое новое соглашение о

²⁷ Правда, 21.II.1969; Neues Deutschland, 21.II.1969.

²⁸ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 34.

²⁹ Там же.

³⁰ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 480.

³¹ Ibid., S. 483.

³² Сборник основных документов, с. 322.

³³ Там же, с. 323.

³⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 25.II.1969, л. 34-ВЕ.

³⁵ Там же, л. 35-ВЕ.

пропусках должно действовать, по крайней мере, год и предусматривать также пропуск на Троицу и Рождество”³⁶.

Выступая 24 февраля 1969 г. на пресс-конференции, Шютц заявил, что он немедленно предпримет шаги для выяснения того, “готова ли Восточная Германия вступить в какое-то новое соглашение, предоставляющее берлинцам большую свободу передвижения”³⁷. Шютц выразил мнение, что Советский Союз “заинтересован в заключении какого-то соглашения”, но подчеркнул, что нет никакой уверенности в том, хотят ли этого восточные немцы. “Это неплохой шанс, быть может, прекрасный шанс, и было бы глупо с нашей стороны не воспользоваться им”, – добавил правящий бургомистр Западного Берлина³⁸. В тот же день, 24 февраля, Шютц заявил по западно-берлинскому радио, что, прежде чем может быть достигнуто какое-либо соглашение, предусматривающее, в частности, изменение места проведения выборов президента ФРГ, “Восточная Германия должна продемонстрировать свою готовность заключить какое-то долгосрочное соглашение о пропусках, охватывающее, по меньшей мере, год и предусматривающее несколько визитов за этот один год”³⁹.

Кизингер, в свою очередь, “с таким же осторожным оптимизмом, как и Шютц, отозвался об этом советском предложении, назвав его весьма обнадеживающим шагом”. Однако Кизингер подчеркнул невозможность достижения решения об изменении места проведения выборов, пока предварительные переговоры с Восточной Германией не дадут определенных позитивных результатов и не станет очевидной перспектива достижения соглашения на длительный срок.

Партии, представленные в городской палате депутатов Западного Берлина, тоже незамедлительно отреагировали на информацию о возможности компромисса с ГДР. Председатель фракции СДПГ в палате депутатов А. Фелькер подчеркнул необходимость проверить серьезность восточноберлинского предложения о пропусках. “Серьезным” он считал предложение о долгосрочном урегулировании вопроса о пропусках и связывал его с другими вопросами: о путях доступа в Западный Берлин и о статусе города. Председатель фракции СвДП Г. Оксфорт, как и Фелькер, высказался за то, чтобы уполномоченный Сената вступил в контакт с восточноберлинскими властями. В отличие от своих коллег, он отметил, что долгосрочное урегулирование вопроса о пропусках может стать предметом обсуждения только при условии отказа от официального представительства ФРГ в Берлине. Секретарь фракции ХДС Г. Луммер высказал мнение, что необходимо проверить, ставится ли на обсуждение вопрос “возросшего статуса” Берлина⁴⁰, имеющий большое значение для облегчения участи населения⁴¹.

26 февраля 1969 г. западноберлинский Сенат провел экстренное заседание, на котором обсуждалось письмо Шютцу председателя Совета Министров ГДР В. Штофа от 25 февраля 1969 г. В письме предлагался компромисс: соглашение о посещениях западноберлинцами Восточного Берлина на Пасху 1969 г. в обмен на перенос выборов федерального президента из Западного Берлина в один из городов ФРГ⁴².

Шютц, после заседания Сената Западного Берлина, выступил на пресс-конференции, сообщив журналистам, что уполномоченные Сената и правительства ГДР встретятся в Восточном Берлине 26 февраля 1969 г. Сенат, по словам правящего бургомистра, заинтересован прежде всего “в осуществлении широкого урегулирования, которое облегчит жизнь берлинцев в разделенном городе”. Поэтому речь не может идти лишь о пропусках в обычном смысле, и изолированное обсуждение того или иного срока

³⁶ Там же, ТАСС, 24.II.1969, л. 19-BE.

³⁷ Там же, л. 8-АД.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Под “возросшим статусом” Западного Берлина понималось “узаконенное расширение” его связей с ФРГ.

⁴¹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 25.II.1969, л. 19-BE – 20-BE.

⁴² Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 482–483.

посещений западноберлинцами Восточного Берлина не затрагивает сути проблемы. “Мы, – подчеркнул Шютц, – не стремимся лишь к результатам, действующим временно, для нас важно обеспечение более широкого права свободного передвижения для берлинцев и притом долгосрочного характера. Это в интересах обеих сторон и было бы практическим вкладом в уменьшение напряженности в Германии и Европе”⁴³.

Отвечая на вопросы журналистов, Шютц сообщил, что переговоры будут вести сенатский директор Х. Граберт и статс-секретарь правительства ГДР М. Коль. При этом правящий бургомистр отказался ответить на вопрос, будет ли созвано федеральное собрание ФРГ в Западном Берлине в случае достижения соглашения о пропусках на пасхальные дни, заявив лишь, что он намерен подождать результатов предстоявших переговоров⁴⁴.

Вечером 26 февраля 1969 г. ведомство печати и информации Сената сообщило, что встреча уполномоченных обеих сторон уже состоялась в Восточном Берлине. Коль потребовал на ней, чтобы в качестве предварительного условия Сенат сделал “имеющее обязательную силу заявление о том, что федеральное собрание не состоится в Западном Берлине”. Граберт разъяснил Колю, что ему поручено лишь выяснить, “готовы ли теперь восточноберлинские власти к урегулированию с целью расширить свободное передвижение в разделенном Берлине и тем самым помочь всем берлинцам”. Коль не смог ответить на вопрос, “готова ли его сторона и в каких рамках к широкому урегулированию”⁴⁵. Дата новой встречи представителей сторон согласована не была.

Одновременно ведомство печати при главе правительства ГДР тоже опубликовало сообщение о встрече Коля с Грабертом. В нем говорилось, что Коль, по поручению своего правительства, задал Граберту вопрос, примет ли Сенат решение не проводить федеральное собрание в Западном Берлине, но положительного ответа на него не получил. Тем не менее Коль заявил, что при условии, если федеральное собрание и выборы президента ФРГ “ни при каких обстоятельствах не будут проведены в Западном Берлине, правительство ГДР... готово предоставить западноберлинским гражданам возможность посетить на Пасху 1969 г. своих родственников в столице ГДР”. Было сказано, что Коль снова готов встретиться с Грабертом, если последний передаст сообщение Сената об отказе от проведения в Западном Берлине федерального собрания и выборов президента ФРГ⁴⁶.

27 февраля 1969 г. Граберт направил Колю телеграмму, в которой предложил встретиться в любое время для новой беседы⁴⁷. В ответной телеграмме Коля Граберту говорилось, что встреча между ними имела бы смысл только в том случае, если бы Граберт мог передать ему заявление Сената о том, что “западногерманское федеральное собрание не будет созвано в Западном Берлине”⁴⁸. Резкий тон телеграммы Коля, возможно, объяснялся тем, что 26 февраля был получен отрицательный ответ Брандта на письмо Ульбрихта от 21 февраля. В любом случае такой императивный подход едва ли оставлял возможность для достижения компромисса с западноберлинскими властями. Переговоры по линии Коль–Граберт, не начавшись, зашли в тупик.

28 февраля 1969 г. Шютц, выступая на пресс-конференции, высказался о возможности переговоров с ГДР намного более жестко, чем раньше. Он обвинил власти ГДР в том, что они “не готовы ни к переговорам, ни к соглашениям. Они категорически выдвигают свои предварительные условия. Лишь тот, кто безоговорочно выполнит эти условия, может рассчитывать на гуманность в малых дозах”. Поэтому, сказал Шютц,

⁴³ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 26.II.1969, л. 22-А – 23-А.

⁴⁴ Там же, л. 23-А.

⁴⁵ Там же, ТАСС, 27.II.1969, л. 4-А.

⁴⁶ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 485.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 27.II.1969, л. 39-А.

⁴⁸ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 486.

“я исхожу из того, что федеральное собрание, как и предусмотрено, состоится 5 марта в Берлине”⁴⁹.

На этом фоне 14 февраля 1969 г. состоялся визит в Западный Берлин премьер-министра Великобритании Г. Вильсона, а 27 февраля 1969 г. город посетил новоизбранный президент США Р. Никсон. Вильсон прибыл в Западный Берлин в рамках своего трехдневного визита в ФРГ. Выступая по телевидению, он сказал: “Я привез вам специальную весть от английского правительства и народа. Она заключается в том, что и сейчас, и в будущем Англия неотступно и неизменно будет придерживаться своего давнишнего обязательства защищать свободу Берлина: английские войска останутся здесь”⁵⁰. Подводя итог визиту Вильсона в Западный Берлин, газета “Франкфуртер рундшау” отмечала, что он продемонстрировал наличие “британской гарантии без уступок” Советскому Союзу и его союзникам⁵¹. Но эта поездка британского премьер-министра не вызвала широких откликов в мире.

Значительно больший международный резонанс имел визит Никсона в Западный Берлин, состоявшийся в рамках его поездки в ФРГ. Это была первая поездка Никсона в Европу после его вступления в январе 1969 г. в должность президента США, что придавало ей особое значение. После того, как 21 февраля 1969 г. было обнародовано сообщение о предстоящих учениях ГСВГ и ННА, в Вашингтоне возникли опасения, не направлены ли эти учения против визита Никсона в Западный Берлин. Некоторые должностные лица в администрации президента США даже ставили вопрос, не следует ли в создавшихся условиях воздержаться от этой поездки. Но ситуация вскоре прояснилась; все встало на свои места. Как сообщала английская газета “Дейли телеграф”, “представитель русских официальных кругов заявил в Восточном Берлине, что эти учения не направлены против президента Никсона... Он вправе в любое время посетить Западный Берлин. Маневры не начнутся, пока он не покинет Берлин”⁵². Газета делала вывод, что “какие бы планы не вынашивали русские в связи с выборами 5 марта 1969 г. западногерманского президента в Западном Берлине, они не собираются раздражать нового американского президента”⁵³.

Американская газета “Вашингтон пост” высказывала похожие мысли: “Советский Союз и его цепкий вассал Восточная Германия действуют в типичном для них духе разногласий в отношении европейской политики. Русские в эти дни более заинтересованы в мягком подходе... Но восточные немцы, как обычно, чувствуют себя оставшимися в стороне и толкают на проведение более традиционной политики “холодной войны”... Следует считать, что русские будут поддерживать в берлинской лихорадке такую температуру, которая будет достаточно высока, чтобы показать восточным немцам, что они могут на них рассчитывать, но не настолько высока, чтобы дать НАТО слишком сильный предлог для возбуждения”⁵⁴.

Расписание Никсона отводило ему всего 3 часа 20 минут для пребывания в Западном Берлине. По мнению обозревателей, он использовал их для того, чтобы сохранить в “берлинской лихорадке” умеренную температуру, которая не раздражала бы дополнительно Москву, но и не давала бы Бонну повода усомниться в лояльности Вашингтона. Никсон, по прибытии в аэропорт Западного Берлина Темпельгоф, имея в виду действия СССР и ГДР, заявил, что сейчас Западный Берлин “подвергается неоправданным угрозам”⁵⁵. В Темпельгофе, обращаясь к американским военнослужащим, он сказал: “Вы находитесь здесь потому, что мы хотим защитить их (западноберлин-

⁴⁹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 28.II.1969, л. 59-ВЕ – 60-ВЕ.

⁵⁰ Там же, д. 149, ТАСС, 14.II.1969, л. 19-А.

⁵¹ Frankfurter Rundschau, 15.II.1969.

⁵² Daily Telegraph, 22.II.1969.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Washington Post, 21.II.1969.

⁵⁵ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 149, ТАСС, 27.II.1969, л. 27-А.

цев. – Р.Д.) право быть свободными, и это желание разделяет народ этой страны и этого города”⁵⁶.

Никсон, однако, воздержался от вызывающих антисоветских высказываний. Он давал понять Москве, что дверь к переговорам открыта. Это вписывалось в выдвинутую им концепцию перехода от “эры конфронтации к эре переговоров”. Советское посольство в ГДР реагировало на поездку Никсона в Западный Берлин более сдержанно, чем на аналогичный визит Кеннеди в этот город 26 июня 1963 г.⁵⁷ В целом пребывание Никсона на берегах Шпрее не оказало особого воздействия на дальнейшее развитие “третьего берлинского кризиса”.

Советское правительство 28 февраля 1969 г. направило ноту правительству ГДР, в которой говорилось, что ФРГ активно вовлекает Западный Берлин в свои военные приготовления. Речь шла, в частности, о том, что на предприятиях города производится военная продукция, которая затем тайно переправляется в ФРГ по коммуникациям, пролегающим через территорию ГДР. Правительство СССР в ноте от 28 февраля обратилось к правительству ГДР с просьбой “взвесить в соответствии с осуществляемыми им контрольными функциями над коммуникациями между ФРГ и Западным Берлином возможность принятия необходимых мер в целях пресечения незаконной милитаристской деятельности властей и граждан Федеративной Республики и Западного Берлина, которая затрагивает интересы безопасности социалистических государств и европейского мира”⁵⁸.

Одновременно МИД СССР проинформировал посольства трех западных держав в Москве, что советское правительство обратилось с просьбой к правительству ГДР принять соответствующие меры, которые положили бы конец попыткам “злоупотреблять коммуникациями ГДР в интересах милитаристской политики ФРГ”⁵⁹.

Руководство ГДР действовало незамедлительно. 28 февраля 1969 г. оно сообщило, что компетентным органам республики дано указание обеспечить строгое соблюдение правовых норм, запрещающих перевозку грузов в военных целях Федеративной Республики между ФРГ и Западным Берлином по транзитным путям ГДР⁶⁰. Примечательно, что 1 марта министерство почт и телеграфа ГДР опубликовало сообщение, согласно которому в республике не будут обслуживаться почтовые отправления, на которых стоит провокационный штамп “Берлин, выборы федерального президента”⁶¹.

Ответные ноты западных держав последовали непривычно быстро – 5 марта 1969 г., в день, на который были назначены выборы президента ФРГ. Три державы подчеркнули, что «обвинение, выдвинутое против Федеративной Республики Германии в том, что она проводит “милитаристскую” политику, безосновательно», и правительства западных держав считают “бесцельным продолжать обсуждение этого вопроса”⁶². США, Англия и Франция предупредили правительство СССР, что они будут считать его “ответственным за любое усиление напряженности, которое может явиться результатом мер, принятых советскими или восточногерманскими властями на основе этих безосновательных утверждений”⁶³.

Еще быстрее, чем западные державы, на советскую ноту отреагировали правящий бургомистр и Сенат Западного Берлина. Уже во второй половине дня 28 февраля 1969 г. Шютц заявил по телевидению, что “утверждение русских, будто проводится перевозка западногерманских военных материалов в Западный Берлин и из Западно-

⁵⁶ Там же, л. 42-А.

⁵⁷ О визите Кеннеди в Западный Берлин см.: Долги́евич Р.В. Советская дипломатия и Западный Берлин (1963–1964 гг.). СПб., 2012, с. 81–93.

⁵⁸ Сборник основных документов, с. 331–332.

⁵⁹ Там же, с. 332–333.

⁶⁰ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 489–490.

⁶¹ Ibid., S. 490.

⁶² Сборник основных документов, с. 333–334.

⁶³ Там же, с. 334.

го Берлина, – это чепуха”. Он подчеркнул, что нет никаких оснований для паники или истерик и что советская нота представляет собой очередной “булавочный укол” коммунистов, направленный против Западного Берлина и федерального присутствия в городе. Шютц предсказал “новые такие уколы в ближайшие дни в ходе войны нервов, которую начали коммунисты”⁶⁴.

1 марта 1969 г. Сенат провел специальное заседание, посвященное вопросу о “новой ситуации на коммуникациях с Берлином”, вызванной маневрами ГСВГ и ННА, а также ожидавшимся ужесточением контроля на путях доступа в Западный Берлин. Выступая после этого заседания, Шютц дал развернутую оценку советской ноте от 28 февраля и политической обстановки, сложившейся вокруг Западного Берлина. По его словам, “упрек Восточного Берлина и других в том, что у нас производится военная продукция, является абсурдным и должен быть отклонен со всей ясностью и резкостью. Упрек тем более смехотворен, когда весь мир знает, что уже многие годы все товары, покидающие Берлин по наземным коммуникациям, подвергаются частично придиричивому контролю властей ГДР... На коммуникациях не было и нет секретных перевозок. Весь мир скоро поймет, что речь идет лишь о предлоге и не о чем другом”⁶⁵.

Говоря о несостоявшихся переговорах с ГДР, правящий бургомистр отметил, что Сенат был готов к “честным переговорам”, однако другая сторона «блокировала с самого начала каждую беседу жесткими предварительными условиями. Весь мир может создать себе представление о том, кто в Берлине стоит на позициях “холодной войны” и кто выступает за ослабление напряженности и за мир»⁶⁶.

Большое впечатление на Западе произвело заявление Шютца о том, что “Берлин не находится перед большим кризисом”. По мнению правящего бургомистра, “другая сторона не ищет большого кризиса; здесь на фоне серьезного противопоставления интересов продолжается война нервов особого рода”⁶⁷. Не остался без внимания и ответ Шютца на вопрос, подготавливается ли воздушный мост с Западным Берлином. Бургомистр сказал, что нынешняя ситуация не идет ни в какое сравнение с блокадой 1948 г.⁶⁸ Тем не менее общий вывод Шютца звучал так: “Теперь не должно быть новых и ненужных дискуссий вокруг федерального собрания. Это привело бы другую сторону к ошибочному толкованию нашей решимости. В этой ситуации и в эти дни ошибочная оценка является опасной”⁶⁹.

КУЛЬМИНАЦИЯ И РАЗВЯЗКА. ИТОГИ “ТРЕТЬЕГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА”

1 марта 1969 г. Царапкин встретился с Кизингером и еще раз изложил ему мнение советского руководства о ситуации вокруг Западного Берлина. После этой встречи правительство ФРГ заявило западноберлинскому Сенату, что оно считает “полезным повторить попытку” вступить в переговоры с Восточным Берлином и просит Сенат проявить соответствующую инициативу. 2 марта директор Сената Граберт направил статс-секретарю Колю телеграмму: “Как мне сообщили, на сегодняшний день существуют предпосылки для конструктивного обсуждения затронутых вопросов в более широком плане. Я был бы благодарен, если бы Вы дали мне знать, соответствует ли это действительности. Если да, я в любой момент к Вашим услугам”⁷⁰. Очевидно, инициатива Бонна и Западного Берлина была следствием встречи Царапкина с Кизингером.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 1.III.1969, л. 17-А.

⁶⁵ Там же, л. 33-А.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, ТАСС, 1.III.1969, л. 34-А.

⁶⁸ Там же, л. 35-А.

⁶⁹ Там же, л. 34-А.

⁷⁰ Там же, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 3.III.1969, л. 42-ВЕ – 43-ВЕ.

Реакция Восточного Берлина последовала 4 марта 1969 г. Как сообщало ведомство печати при главе восточногерманского правительства, правительство ГДР получило сведения о том, что все же рассматривается вопрос о переносе федерального собрания и выборов президента ФРГ из Западного Берлина в Западную Германию. Коль предложил Граберту встретиться во второй половине дня 4 марта в здании Совета Министров ГДР⁷¹.

Встреча состоялась, но Граберт, по мнению Коля, был недостаточно информирован о сути дела и не смог дать разъяснений относительно ситуации, сложившейся вокруг Западного Берлина. Коль вновь указал на содержавшееся в письме Ульбрихта Брандту от 21 февраля 1969 г. заявление, что перенос федерального собрания в один из западногерманских городов ослабил бы напряженность и дал возможность гражданам Западного Берлина посетить столицу ГДР на Пасху 1969 г. Граберт обещал подробно доложить Сенату о содержании беседы. Вечером 4 марта Граберт по поручению Сената направил Колю телеграмму, в которой отклонялось предложение ГДР⁷².

Это была последняя попытка найти компромиссное решение, которая закончилась неудачей. Правительство ГДР сразу же обвинило в этом западноберлинский Сенат, заявив, что он “берет на себя роль исполнителя воли тех, кто при всех обстоятельствах хочет обострить напряженность в центре Европы путем проведения провокационных выборов... в Западном Берлине”⁷³. Сенат, в свою очередь, обвинил в неудаче переговоров ГДР. Восточная Германия продолжала настаивать на неприемлемых для Западного Берлина предварительных условиях: отказ от проведения федерального собрания в обмен на посещения западноберлинцами Восточного Берлина только на Пасху 1969 г.

Эта попытка достижения компромисса была предпринята в условиях, когда “третий берлинский кризис” уже достиг кульминации. Продолжались маневры ГСВГ и ННА, в ходе которых временно перекрывались некоторые наземные коммуникации между ФРГ и Западным Берлином. Так, 1 марта 1969 г. несколько раз перекрывалась автострада Белин–Хельмштедт, в результате чего движение по ней приостанавливалось⁷⁴.

Наибольшее впечатление, однако, произвело устное заявление главного контролера советской секции в Берлинском центре воздушной безопасности (БЦВБ), сделанное 2 марта 1969 г. главным контролерам США, Англии и Франции в БЦВБ: “Мне поручено довести до сведения американской, английской и французской стороны, что в случае предоставления ими самолетов для незаконных перевозок участников (федерального. – *Р.Д.*) собрания в Западный Берлин советская сторона отказывается гарантировать безопасность этих полетов и снимает с себя какую бы то ни было ответственность за их обеспечение”⁷⁵.

Ответная реакция со стороны западных держав и ФРГ последовала незамедлительно. Уже 2 марта 1969 г. представители США, Англии и Франции в Бонне опубликовали заявление: “Мы по-прежнему считаем Советский Союз ответственным за безопасность всех полетов американских, французских и английских самолетов в берлинских коридорах”⁷⁶. Но повышенные нотки в этом заявлении не проскальзывали: оно было выдержано в спокойных тонах.

Намного больше тревоги вселяло сообщение американского информационного агентства “Ассошиэйтед Пресс” (АП) от 2 марта 1969 г.: «В союзнических кругах отмечается, что формулировка русского заявления “оставляет открытыми все возможности” в отношении того, что русские собираются на самом деле предпринять, если западногерманские выборщики направятся сюда (в Западный Берлин – *Р.Д.*) воздуш-

⁷¹ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 491.

⁷² Ibid., S. 492.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 49.

⁷⁵ Сборник основных документов, с. 334.

⁷⁶ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 147, ТАСС, 3.III.1969, л. 12-А.

ным путем, чтобы принять участие в выборах нового западногерманского президента... Сформулированное в жестких выражениях русское предостережение говорит о возможности прямого столкновения между западными союзниками и Советским Союзом»⁷⁷.

В другом сообщении АП из Западного Берлина говорилось, что «трем западным державам грозит сегодня самый серьезный вызов в их воздушных коридорах в Берлин со времен “воздушного моста”, который 20 лет назад прорвал советскую блокаду этого изолированного города»⁷⁸.

В еще большей мере драматизировали ситуацию некоторые средства массовой информации ФРГ и Западного Берлина. Газета “Бильд”, например, описывала обстановку вокруг Западного Берлина в статье под заголовком: “Русские угрожают трудностями с воздушным сообщением. Американцы: тогда мы будем летать с конвоем”. Газета “Берлинер Цайтунг” характеризовала заявление главного контролера советской секции в БЦВБ как “драматическое обострение Москвой кризиса вокруг Берлина”⁷⁹. В таком же духе была выдержана и редакционная статья газеты “Ди Вельт”, в которой говорилось: “Советским предупреждением по поводу перевозки членов федерального собрания в Берлин воздушным путем достигнута почти наивысшая точка кризиса. Москва знает, что создание препятствий на воздушных путях сообщения означало бы прямой конфликт с западными державами”⁸⁰. Касаясь позиции ФРГ, “Бильд” подчеркивала, что у Западной Германии нет выбора: “Только плечом к плечу с нашими союзниками искалеченная Германия может, по крайней мере, сохранить свою голову”⁸¹.

На этом фоне почти успокаивающе прозвучали слова нового главы бундестага ФРГ К.У. фон Хасселя, который вечером 2 марта 1969 г. прилетел в Западный Берлин. На аэродроме Темпельгоф он сказал журналистам, что не ожидает какого-либо нарушения воздушного сообщения также и после заявления советского представителя в БЦВБ. По его мнению, это заявление относилось к “войне нервов, которую мы в настоящее время, несомненно, переживаем”⁸². Некоторое успокоение внесло и заявление Шютца 3 марта 1969 г. о том, что пока не наблюдается помех в воздушном сообщении с Западным Берлином. “Воздушное сообщение осуществляется бесперебойно”⁸³.

Значение этих заявлений становится более понятным, если учесть, что в средствах массовой информации ФРГ и Западного Берлина еще в середине февраля появились сообщения, согласно которым советские представители на период проведения федерального собрания в Западном Берлине покинут БЦВБ. Правда, советник-посланник американской военной администрации в Западном Берлине Б. Моррис 17 февраля 1969 г. опроверг эти сообщения: “У нас нет никаких, я повторяю никаких, признаков, что может произойти что-либо подобное”. Американские власти, сказал далее Моррис, “не располагают также никакой информацией” относительно установки в ГДР радаров для создания помех воздушному сообщению в период работы федерального собрания⁸⁴.

5 марта 1969 г. – день выборов федерального президента – прошло в Западном Берлине спокойно. Мероприятие охраняли 8 тыс. полицейских. Всем им была объявлена благодарность сенатора по внутренним делам К. Нойбауэра и полицей-президента Западного Берлина К. Хюбнера. Каждый из полицейских получил дополнительно два дня к ежегодному отпуску⁸⁵.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же

⁷⁹ Bild-Zeitung, 3.III.1969.

⁸⁰ Die Welt, 3.III.1969.

⁸¹ Bild-Zeitung, 3.III.1969.

⁸² АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 147, ТАСС, 3.III.1969, л. 13-А.

⁸³ Там же, д. 151, ТАСС, 3.III.1969, л. 43-ВЕ.

⁸⁴ Там же, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 29.

⁸⁵ Там же, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 6.III.1969, л. 34-ВЕ.

Выступая 5 марта по телевидению, Шютц отметил “сравнительное спокойствие вокруг Берлина” и подчеркнул, что “многие ждали более жестких мер со стороны коммунистов. Однако этих мер пока не наблюдается”⁸⁶. 7 марта 1969 г. Шютц вновь подчеркнул, что “предсказывавшиеся меры со стороны Востока в отношении федерального собрания выполнены не были”⁸⁷.

Большой интерес в Западном Берлине вызвало выступление Шютца 8 марта 1969 г. на съезде земельной организации СДПГ: “Восточная сторона так и не приняла никаких серьезных мер в связи с проведением федерального собрания в Берлине... Большой кризис в Берлине и вокруг Берлина так и не разразился и, по-видимому, в ближайшем будущем не разразится”. Шютц, однако, отметил, что “предупреждения и угрозы великой державы не следует легкомысленно сбрасывать со счета, в том числе и в свете событий последних дней”⁸⁸.

Показательно и то, что, выступая 5 марта 1969 г. на открытии федерального собрания, Хассель говорил не о “берлинском кризисе” и даже не о росте напряженности вокруг Западного Берлина, а об усилении “войны нервов”. Он, в частности, сказал: “Советский Союз и другие восточноевропейские страны в дипломатических заявлениях высказались против созыва (федерального) собрания в Берлине. Советский Союз и власти другой части Германии путем объявления новых ограничений в передвижении, путем нажима и усиления войны нервов пытались воспрепятствовать нашему присутствию здесь в Берлине”⁸⁹.

В таком же духе была выдержана и речь Шютца 8 мая 1969 г. в городской палате депутатов Западного Берлина, политический раздел которой он заранее прислал в советское посольство в ГДР. Полученный текст П.А. Абрахимов сразу же направил А.А. Громыко, подчеркнув, что речь Шютца рассматривается в Западном Берлине как начало политической кампании социал-демократов в этом городе в связи с предстоящими в сентябре 1969 г. выборами в бундестаг ФРГ и поэтому содержит некоторые программные установки СДПГ в западноберлинском вопросе⁹⁰.

“В последние месяцы Берлин, – подчеркивалось в речи Шютца, – подвергался новым испытаниям исключительной тяжести. Мы должны были справляться с многочисленными и упорными усилиями, которые были направлены на то, чтобы поставить под вопрос или устранить связи Берлина с Федеративной Республикой Германии. В Бонне и в Берлине... советские послы выступали с нападениями,... в которых подвергались атаке почти все связи с Федеративной Республикой”. Содержание этих нападок, продолжал Шютц, “было произвольным и в своей основе мало продуманным. Вывод был столь же простым, как и неприемлемым, а именно: практически от всех связей Берлина с Федеративной Республикой Германии следовало бы отказаться”⁹¹.

Высказав немало упреков в адрес СССР, Шютц, тем не менее, ни слова не сказал о “берлинском кризисе”; он по-прежнему считал, что “большой кризис” вокруг Берлина так и не разразился.

После выборов 5 марта 1969 г. ситуация вокруг Западного Берлина начала успокаиваться. Члены федерального собрания ФРГ воздушным путем покинули Западный Берлин, полицейские перешли к обычному режиму несения службы, учения ГСВГ и ННА закончились в соответствии с планом подготовки войск.

Таким образом, в конце 1968 – начале 1969 гг. СССР предпринял ряд мер с целью убедить противоположную сторону отказаться от проведения выборов президента ФРГ в Западном Берлине. Советская дипломатия резко протестовала против этого шага западной стороны. СССР поддержал все мероприятия ГДР по ограничению и

⁸⁶ Там же, ТАСС, 5.III.1969, л. 32-А.

⁸⁷ Там же, 9.III.1969, л. 25-ВЕ.

⁸⁸ Там же, л. 26-ВЕ.

⁸⁹ Там же, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 35–36.

⁹⁰ Там же, л. 86.

⁹¹ Там же, л. 87.

контролю за пассажирскими и грузовыми перевозками между ФРГ и Западным Берлином, причем эти мероприятия были заранее согласованы между советским и восточногерманским руководством. Начались совместные военные учения ГСВГ и ННА, в ходе которых неоднократно временно перекрывались некоторые наземные коммуникации между Западной Германией и Западным Берлином. Представитель СССР в БЦВБ заявил, что в случае предоставления западными державами самолетов для перевозок участников федерального собрания ФРГ в Западный Берлин, советская сторона отказывается гарантировать безопасность полетов этих самолетов в воздушных коридорах Берлина.

Советские ноты протеста, как и следовало ожидать, отклонялись западными державами и ФРГ, не повлияв на их позицию. Мероприятия ГДР по ограничению и контролю за пассажирскими и грузовыми перевозками были осуществлены, но они не могли помешать проведению федерального собрания в Западном Берлине, так как его участники перебрасывались в этот город воздушным путем.

Что касается контроля со стороны СССР за военными перевозками западных держав, то, по словам В.М. Фалина, который в то время возглавлял Третий европейский отдел МИД, “подчиненные Андропова (сотрудники КГБ. — *Р.Д.*) и Министерства обороны не проявили рвения в контроле на путях сообщений с Западным Берлином. Придирчивого, не то что расширительного, толкования норм Контрольного совета не отмечалось. И никто не упрекнул исполнителей, превративших суровость в показуху, в нерадивости”⁹².

Показательно, что и власти западных держав не проявляли особого рвения, протестуя против действий СССР. Раньше они немедленно и резко протестовали против любых помех на коммуникациях с Западным Берлином; на этот раз их протесты следовали далеко не сразу и проявлялись в сдержанной форме. Так, после нескольких перекрытий 1 марта автостреды Берлин-Хельмштедт представители военной администрации трех держав в Западном Берлине только 11 марта посетили советское посольство в ГДР и передали копии писем послов США, Англии и Франции в Бонне на имя посла СССР в ГДР⁹³. Самая “резкая” фраза в этих письмах звучала так: “Перекрытие автостреды и задержки (движения. — *Р.Д.*) нарушают право свободного доступа в Берлин и из него... Протестуя против этих фактов, я (каждый из трех послов. — *Р.Д.*) должен просить, чтобы были прекращены все помехи в движении по наземным путям в Берлин”⁹⁴.

В ответ на письма послов трех держав в Бонне заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов 12 марта 1969 г. поручил П.А. Абрахимову передать восточногерманскому информационному агентству АДН сообщение: “Демарш властей трех держав был отклонен как необоснованный. Представителям военной администрации трех западных держав было указано, что действия советских властей находятся в полном соответствии с имеющимися четырехсторонними решениями. Иных обязательств Советский Союз в этом вопросе на себя не брал”. Относительно усиления контроля властями ГДР за гражданским сообщением было заявлено, что “предпринятые меры направлены исключительно на пресечение злоупотребления коммуникациями ГДР со стороны неонацистских, милитаристских и реваншистских сил ФРГ и Западного Берлина. Они также основаны на действующих международных соглашениях”⁹⁵. На этом обмен заявлениями между СССР и западными державами по поводу выборов президента ФРГ в Западном Берлине прекратился.

Важный аспект событий вокруг Западного Берлина — воздушное сообщение между ФРГ и этим городом. Оно осуществлялось в ходе “кризиса” бесперебойно, что и позволило доставить в Западный Берлин членов федерального собрания. Изменить

⁹² Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999, с. 129.

⁹³ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 49–50.

⁹⁴ Там же, л. 49.

⁹⁵ Там же, л. 51.

что-либо в этом отношении СССР не мог: даже временный уход советских представителей из БЦВБ вряд ли повлиял бы на позицию западных держав. А об использовании ВВС СССР в целях недопущения перевозки в Западный Берлин членов федерального собрания не могло быть и речи.

Правда, в МИД СССР рассматривался другой вариант. Исходя из принципа равенства четырех держав, Третий европейский отдел предлагал, чтобы Советский Союз воспользовался своим правом пролета по воздушным коридорам на Гамбург и Франкфурт-на-Майне. Неудобства от появления советских военно-транспортных самолетов над ФРГ сделали бы Запад восприимчивей к советским озабоченностям – таков был ход рассуждений советских дипломатов. “Громыко, – отмечал Фалин, – принял это предложение. Андропов доложил заключение своих экспертов, которые находили, что безопасность советских самолетов в момент их нахождения в воздушном пространстве ФРГ не гарантируется. Вопрос был снят”⁹⁶.

Дело заключалось не в том, что СССР исчерпал возможности давления на противоположную сторону. Просто Москва не искала обострения положения, которое, как подчеркивал Фалин, не вписывалось в стратегический контекст. А он был спланирован так, “чтобы игрой света и теней вселять надежду в немцев: примирение, согласие, сотрудничество с Востоком дает избавление от гнетущих тревог и неустroенностей, перспективу откроет никак не эскалация противоборства”⁹⁷.

Путь к разрядке, по мнению советского руководства, лежал через поиск компромисса с СДПГ и ее лидером В. Брандтом. Последний, правда, занял жесткую позицию в вопросе о выборах президента ФРГ в Западном Берлине, в результате чего, по мнению российского историка А.М. Филитова, и “случился своего рода “мини-кризис””⁹⁸.

Поиск точек сближения с окружением Брандта вызвал осуждение в руководящих кругах ГДР. “Ободренные силовым решением кризиса в ЧССР и используя колебания Брандта в проведении политики разрядки, – подчеркивал Филитов, – они активно стремились торпедировать курс на разрядку”⁹⁹.

Позиции СССР и ГДР существенно различались и в подходе к некоторым аспектам “третьего берлинского кризиса”. Шютц с связи с этим заявил 3 марта: “В то время как советская сторона в заявлениях и газетных статьях неоднократно отрицала, что федеральное собрание и решения по поводу облегчения участи людей в Берлине неразрывно связаны друг с другом, ГДР исходила из прямой связи между этими двумя вопросами”¹⁰⁰.

В результате “третьего берлинского кризиса” СССР не добился отказа ФРГ от проведения выборов федерального президента в Западном Берлине, хотя и хотел бы этого. Но советское руководство не было готово пожертвовать ради этой цели перспективой взаимопонимания с СДПГ и Брандтом, тем более, что во время мартовских событий до очередных выборов в бундестаг ФРГ оставалось всего полгода. Поэтому игра восточной стороны “бронетанковыми мускулами” имела больше демонстративно-показной характер, чем свидетельствовала о серьезности намерений СССР „любимыми путями“ помешать выборам президента ФРГ в Западном Берлине.

С другой стороны, исход “третьего берлинского кризиса” еще раз показал и Советскому Союзу, и западным державам, что существуют границы их возможностей в Берлине и переступать эти границы нельзя. Переговоры по Берлину лучше конфронтации в этом городе – к такому выводу все больше склонялись влиятельные круги западных стран. Критическая ситуация вокруг Западного Берлина во многом способствовала установлению в феврале 1969 г. секретного канала связи между послом СССР в США

⁹⁶ Фалин В.М. Указ. соч., с. 129.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990. М., 2009, с. 294.

⁹⁹ Там же, с. 295.

¹⁰⁰ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 3.III.1969, л. 42-ВЕ.

А.Ф. Добрыниным и помощником президента США по национальной безопасности Г. Киссинджером¹⁰¹. К. Шютц, возвратившись из США, где он принимал участие в похоронах бывшего президента США Д. Эйзенхауэра, заявил 3 апреля 1969 г., что, по его мнению, “президент Никсон будет готов обсудить с Советским Союзом проблему разумного изменения нынешнего статус-кво в Берлине”¹⁰².

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в информации посольства СССР в Бонне “О выборах нового президента ФРГ”, направленной в МИД 10 марта 1969 г., лишь вскользь упоминалось, что федеральное собрание “незаконно” проходило в Западном Берлине¹⁰³. Ни о “провокационном характере этой затеи”, ни даже об обострении ситуации вокруг Западного Берлина речь в этом документе не шла. Вместе с тем в информации посольства подчеркивалось, что, согласно широко распространенному в Бонне мнению, избрание на пост президента ФРГ такого либерального политического деятеля как Г. Хайнеманн¹⁰⁴ “может стать нужным “противовесом” в государственном руководстве ФРГ таким реакционно-консервативным политикам ФРГ, как федеральный канцлер Кизингер, президент бундестага фон Хассель, федеральный министр Штраус”¹⁰⁵. Отмечалось также, что “впервые за 20-летний период существования Федеративной Республики пост главы государства переходит к представителю социал-демократической партии, находившейся весь послевоенный период вплоть до 1966 г. в Бонне в оппозиции”¹⁰⁶.

Победа Хайнеманна на выборах президента ФРГ была проявлением проходившего в западногерманском обществе сдвига в соотношении политических сил в пользу социал-демократов во главе с Брандтом. Этот сдвиг в случае победы СДПГ на выборах в бундестаг в сентябре 1969 г. открывал перспективу перемен во внешней политике ФРГ, прежде всего улучшения отношений с СССР и его союзниками. Способствовать такому сдвигу, а не усиливать конфронтацию вокруг Западного Берлина – этот приоритет в политике СССР начал вырисовываться уже в дни “третьего берлинского кризиса”.

¹⁰¹ Беспалов В.А. Указ. соч., с. 276.

¹⁰² АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 4.IV.1969, л. 24-ВЕ.

¹⁰³ Там же, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 39.

¹⁰⁴ Социал-демократ Г. Хайнеманн в правительстве “большой коалиции” занимал пост министра юстиции ФРГ.

¹⁰⁵ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 42.

¹⁰⁶ Там же, л. 39.